

Комаров С.В. Истоки технэ: действие по образцу, случай и фронеzis // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 2. – С. 79–87.

Komarov S.V. The origins of the "techne": the action according to eidos, occasion and phronesys. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law.* 2016. No. 2. Pp. 79-87.

УДК 62:1

С.В. Комаров

ИСТОКИ ТЕХНЭ: ДЕЙСТВИЕ ПО ОБРАЗЦУ, СЛУЧАЙ И ФРОНЕЗИС

В статье рассматриваются истоки греческого понятия «технэ»-искусства. В основе технэ лежит действие по образцу (эйдосу). Разрыв между полнотой образа вещи и ее фактичностью и служит основанием онтологии деятельности. При различии природных процессов и искусственной деятельности это приводит к различию причины и цели. В гносеологическом плане это различие вещи и ее образа оборачивается различием эффективности и продуктивности, момента и процесса, знания и хитрости. Эффективность есть мера соответствия между средствами и целью, продуктивность мера соответствия цели и результатов деятельности. В прагматическом смысле различие между образцом и вещью ведет к различению теории и практики, разума и рассудка, созерцательной и рассудительной частей души. Предмет разума есть созерцание неизменных сущностей, предмет рассудка – это «схватывание» различия между образцом и непосредственным его воплощением в вещи.

Ключевые слова: техника, вещь, сущность, эйдос, причина, цель, средство, модель, эффективность, продуктивность, теория, практика.

S.V. Komarov

THE ORIGINS OF THE "TECHNE": THE ACTION ACCORDING TO EIDOS, OCCASION AND PHRONESYS

The article discusses the origins of the Greek term "techne". At the foundation of its term is form (*Eidos*). The gap between fullness of the image of the thing and its factual being is foundation of the ontology of human activity. It causes to the difference of natural processes and artificial activity and the distinction of cause and purpose. In epistemological sense, this distinction leads to difference between efficiency and effectiveness, moment and process, knowledge and tricks. The effectiveness means the correspondence between tools and goal, the productiveness is the measure of the connection between object and results of activity. In a pragmatic sense, it means the distinction between theory and practice, reason and mind, a contemplative part of the soul. The object of reason is contemplation of constant essences, on opposite it the judgment catches difference between image and its embodiment in the thing.

Keywords: Technics, thing, substance, eidos, cause, aim, facility, model, efficiency, effectiveness, theory, practice.

Основы западного мышления лежат в греческой философии. Здесь изначально задаются рамки того, что и как вообще нечто может существовать. Здесь же определяется и само понятие «техника»: это не просто специфическая деятельность и вид искусства-ремесла, связанный с имитацией и подра-

© Комаров Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail:komarov@pmc.edu.ru.

жанием природе. Это определенный тип специфического отношения к миру, весь размах которого человечество ощутило только в XX веке.

Онтология технэ. В основе греческого мышления лежит взгляд, обращенный к образцу [1, с. 11]. Таким образом для греческого мышления вообще выступает природа (φύσις). Как известно, понятие природы выступает не просто как наличная действительность, но прежде всего как основополагающий принцип, обуславливающий все существующее. Каждая вещь имеет свою *сущность*, которая и определяет ее динамическое существование. Для античного человека все существующее находится в бесконечном процессе изменения. Поэтому сущность вещи выступает прежде всего как его εἶδος – полнота его воплощения и его подлинное, развернутое, осуществленное бытие. Противоречие между Платоном и Аристотелем было снято признанием единства реальности как непосредственной совокупности наличных сущих (отдельных субстанций). Это наличное бытие вещи есть конкретное единство действительности и возможности вещи, актуальности и потенциальности ее существования, уже наличной осуществленности и еще не воплощенности в фактическое существование [2, с. 241–242].

В этом случае эйдос выступает как идеальная форма полноты существования; он составляет как бы «возможное» бытие вещи, ее *εντελεχεία*. Сама вещь в этом случае есть сущее среди других сущих; она есть *εργον*. В этом смысле эйдос выступает как образец завершенной полноты развития, завершенного воплощения вещи в ее развитии. Развитие вещи осуществляется как энергетическое напряжение между актуально-неполным фактическим существованием и потенциальной полнотой воплощения-осуществления. Именно этот разрыв между фактической наличной неполнотой осуществления вещи и возможностью ее идеального осуществления и порождает устремление и силу развития (*ενεργεία*).

Для Платона эйдос как образ полноты бытия всякой вещи и есть сила, вызывающая ее движение, стремление осуществиться; но эта полнота воплощения как причина движения не совпадает с самой несовершенной вещью. Собственно, именно в этом несовпадении и заключается сама причина движения-становления вещи как эргона: завершенную деятельность, энергию можно найти только там, где эйдос полностью *представлен* в сущем. Именно это и рождает кругооборот вещей и эйдосов [3, с. 332].

В принципе Аристотель понимает взаимоотношение отдельной вещи и эйдоса аналогичным образом, с той лишь разницей, что эйдос как чистое и совершенное бытие не имеет самостоятельного онтологического статуса. Существуют только отдельные вещи; эйдос означает выражение сущности вещи, которая выступает как единство формы и материи, эйдоса и его выражения в каком-то материале. Поскольку во всякой вещи эйдос как полнота формы еще не реализован до конца (обременен материей), то никакая конкретная вещь еще не является действительной. Она вся – в процессе становления, т.е. в про-

цессе все большего приближения к полноте выражения своего эйдоса как своей ουσια. Эйдос как форма вещи – это παρούσια [4, с. 102].

Однако греки четко различают природу (φύσις) и деятельность (τέχνη); и то и другое есть *разные способы понимания* существования вещей. «Природа» означает саморазвитие, т.е. развитие под воздействием «внутренних» причин. *Причина* есть именно внутренний разрыв между наличной фактичностью вещи и возможностью ее осуществления («то, почему или вследствие чего»). «Деятельность» означает развитие по цели, где источником динамического изменения является эйдос как внешний образ («то, ради чего»). *Цель* (τέλος) здесь идеальная форма, которая выступает как образец для воплощения в реальной действительности.

Такое двойное понимание существования вещи прослеживается в двойственности природы и деятельности, причинности развития и целеполагания деятельности, эффективности и продуктивности деятельности, времени как процесса и времени как момента, случая как разрыва и случая как события, знания как «теории» и знания как «практики», наконец, мышления как рассудка и мышления как разума.

Вообще говоря, и причинный, и целевой способы объяснения существования вещей равноправны. Поэтому, согласно Аристотелю, можно рассматривать существование вещи, с одной стороны, как ее «самодвижение» и раскрытие ее внутреннего потенциала, а с другой стороны, как «действие» и целенаправленное управление в соответствии с целевым образцом. При этом «саморазвитие» выступает как *естественный* процесс развития вещи, как ее постепенное изменение; объяснение динамики такого изменения осуществляется через понятие энергии (энтелехийи). «Действие» выступает как искусственный процесс, это искусство (*техника*) направления или преобразования изменений в соответствии с внешним образцом. Здесь изменение осуществляется через понятия цели и воли [1, с. 46–54]. Как можно «заставить» объективную вещь изменяться? Только если сам образец-эйдос выражает возможность ее изменения. Тогда преобразование будет выступать как действия по созданию условий для раскрытия внутреннего потенциала вещи в соответствии с этим образцом. Деятельность в отличие от саморазвития есть деятельность по средствам: *средство* (от *среда*) есть изменение внешних условий для проявления потенциала вещи. Средство есть инструмент изменения *внешней формы* вещи.

Для человеческой деятельности целевое причинение является основополагающим: мы сами выстраиваем идеальную форму (εἶδος), которую затем ставим перед собой как цель (τέλος), и дальше действуем, стараясь осуществить эту цель, сделать ее фактом реальной действительности. Эйдос задает образец стремления нашей воли, основание плана деятельности и направляет волю при придании реальной действительности его *формы*. Функция образца состоит в том, чтобы задавать «теоретическую» модель, которой должна быть подчинена «практическая» деятельность.

Отсюда следует само разделение «теории» и «практики», *θεωρία* и *πρᾶξις*. Это различие миров означает подчиненность реального мира миру замысла, идеальному миру. Сама модель (*εἶδος*) есть основание для подчинения ей материального мира. Практическое применение модели есть доказательство ее *эффективности*. Эффективность есть возможность изменения действительности в соответствии с идеальным образцом, возможность подчинения действительности соответствующему образцу.

Гносеология технэ. Изначальная идея эйдосов-образцов-целей приводит к разделению реальности на мир идей и мир вещей, а онтологии – на теорию и практику. Действительность всегда отличается от модели, не «совпадает» с ней, сопротивляется своему «определению» со стороны этого идеального образца. Поэтому само понятие эффективности двояко. Понятие эффективности означает «эффект», т.е. само *явление* нужного изменения вещи. И здесь эффективность всегда означает меру между самим явлением изменения, т.е. желаемым результатом, и используемыми при этом средствами. Деятельность эффективна, если полученный результат «совпадает» с желаемым, с образцом; действие осуществилось в соответствии с образцом-эйдосом. Деятельность неэффективна, если результат серьезно отличается от желаемого образца. Почему это произошло? Это может быть или в случае неправильных действий, или в случае использования неверных средств. И в том, и в другом случае действия-средства не соответствовали требуемому результату, задаваемому образцом. Поэтому *эффективность означает соответствие между действиями-средствами и целью, между затратами и полученным результатом*. В этом смысле понятие эффективности есть *ретроспективное понятие*, потому что его внутренней характеристикой является *время* как сам процесс расходования средств на достижение нужного результата. Эффективность здесь есть мера производительности *процесса* деятельности: соотношение нужного результата в единицу времени, соотношенное с соответствующими затратами. Эффективность характеризует поэтому возможность *выбора средств*. Такое понимание эффективности лежит в основе самого европейского мышления как его фундаментальный архетип.

Но в таком мышлении имеется возможность и другого понимания эффективности, а именно «результативности» и «продуктивности» преобразований. Мера эффективности может задаваться не соответствием потраченных ресурсов на достижение результата, а качеством самого результата для дальнейшей деятельности и развития. Отсутствие нужного результата в этом случае связано с тем, что поставленная цель неполно выражала потенциал развития вещи, а потому полученный результат не выразил, не раскрыл полноту возможного осуществления вещи. В отличие от «эффективности», которая связывает *результаты* со *средствами*, «продуктивность» связывает *результаты* с *целью*. Такое понимание означает двойственный характер самой цели-эйдоса. Цель может выражать желаемый результат деятельности, связанный с

наличием соответствующих средств; в этом случае раскрытие внутреннего потенциала вещи осуществляется «по мере» этих средств. Цель может выражать желаемый результат деятельности, раскрывающий внутренний потенциал развития самой вещи; в этом случае цель-образец должен внутри себя включать «знание» энтелехийи вещи, соотношения ее актуального и возможного развития. В этом случае раскрытие внутреннего потенциала вещи осуществляется в соответствии с ее «природой». Это и есть «продуктивность» как полнота осуществления самой вещи и реализация в этом осуществлении целевого образца. Другими словами, продуктивность есть возможность *выбора целей*. В этом смысле понятие продуктивности есть *перспективное* понятие, потому что его внутренней характеристикой является время как сам процесс осуществления действия по раскрытию потенциала (развитию) вещи. Продуктивность здесь есть мера производительности *результата* деятельности, а именно не только реализация актуальной возможности в действительность, но и создание новой возможности для дальнейшего целеполагания и развития.

Это предполагает иное понимание времени. Время есть само актуальное бытие сущей вещи. Это «процессуальное» время как характеристика развития-раскрытия потенциала вещи и характеристика развертывания последовательности актов деятельности. Бытие вещи есть ее временение как последовательный переход от одного ее состояния к другому в результате внутренних причин развития или внешних целей деятельности. Поэтому мерой времени является понятие *процесса* как целостности всех состояний вещи в ее полном осуществлении от «зарождения» до полноты воплощения эйдоса. Однако есть еще и время *момента* (Augenblick), которое выступает как мера данного состояния вещи. Каждый момент времени характеризует состояние вещи не только как действительный момент достигнутого, действительный момент осуществленного; настоящее есть не только граница между прошлым и будущим, между уже реализованным и еще не реализованным в процессе осуществления. Каждый момент процесса есть актуальное соотношение актуального и потенциального; каждый момент процесса есть единство актуализированного актуального и актуального потенциального, уже осуществленного действительного настоящего и настоящего как беременного возможностью стать другим. Поэтому *момент* времени есть такая действительность и такое настоящее, которое, с одной стороны, есть реализованное будущее своего прошлого, а с другой стороны, настоящее своего еще не реализованного будущего. Это означает, что время есть единство процесса и момента [5, с. 63–65]. *Эффективность как характеристика времени есть характеристика процесса как соотношения необходимости/действительности; продуктивность как характеристика времени есть характеристика момента как соотношения действительности/возможности*. Процесс указывает на достигнутое и актуальное, момент времени – на возможность развития.

Такое понимание временности деятельности приводит к пониманию важной роли *случая*. Случай (карос) есть такой момент развития, который открывает новые перспективы. Поэтому *случай есть событие*; событие как совместное (в одном месте) существование иной возможности развития вещи или развертывания деятельности, как бы параллельную (наряду) возможность осуществления [1, с. 80–83]. Поэтому у греков двойственное отношение к случаю.

С одной стороны, случай есть то, что вмешивается в процесс развития, нарушает – вплоть до разрушения – его закономерности развития; случай заставляет изменять цели деятельности. Он есть чистая игра социальных и интеллектуальных сил. Поэтому, строго говоря, знать и полагаться на случай нельзя. Случай не предполагает поэтому знания закономерностей развития сущего или целесообразной деятельности. Хотя случайность и выступает как обнаружение новых возможностей, она требует только умения и готовности воспользоваться этим выпавшим стечением обстоятельств. Там, где исключена возможность использования образца, где нет готовых правил и твердых рецептов нужны не знания, а хитрость, ловкость и интуиция в комбинировании имеющихся под рукой средств. Поскольку всех случайностей предусмотреть невозможно, постольку справиться с ними позволяет только природная сметка, наблюдательность и обман². Так справляется Одиссей со всеми трудностями, выпадающими ему на его пути домой, только хитростью, коварством и предательством [6, с. 34–35, 69–72, 134–133].

С другой стороны, случай всегда открывает новые перспективы; он есть выпадение выигрышного шанса на победу, *удача*, которой следует воспользоваться. Отсюда в греческом мышлении присутствует и иное понимание случая: это есть событие встречи как открытия новой перспективы судьбы. Поэтому случайность суть не только неполное знание о закономерностях существования: как уже указывалось, в случае удачно выпавшего шанса в таком знании вовсе нет необходимости. Случай при этом есть, прежде всего, открытие иных возможностей существования сущей вещи или условий изменения целевого образца деятельности. Важно воспользоваться случившимися обстоятельствами в свою пользу. Поскольку изменение закона существования вещи может быть только его естественным изменением, хотя еще и не проявленным, скрытым, то всякие непредусмотренные ситуации являются раскрытием потенциально возможного преобразования сущего, новым соотношением действительности и возможности вещи. Эти новые «обстоятельства» теперь могут быть включены в новый образец и должны скорректировать цель деятельности.

² Хитрость (Метида) играет большую роль в греческом мышлении, однако мы не найдем теории хитрости. Хитрость определяет подвижное и неуловимое, а значит, не поддается отливанью в форму, воспроизведению в образец, исключает возможность отождествления и закрепления, привязки к бытию. И именно потому, что она носит исключительно эмпирический характер, она – элемент изменчивого мира. Поэтому хитроумию было суждено навсегда остаться за пределами того, что составляло ядро эллинской мудрости.

Поэтому, поскольку эйдос до конца не «воплощен» в вещи, всегда возникает необходимость имитации природы, действия по ее аналогии. Технэ поэтому есть *мимесис*, т.е. подражание природе в том, чего сама природа пока не способна достичь.

Прагматика технэ. Следование тому, что открывается в этот момент и в этом конкретном случае суть «исправление» естественного образца. Всегда имеется «разрыв» между знанием как выражением сущности вещи и закона ее существования, с одной стороны, и реальностью ее воплощения или осуществления в практической деятельности. Какие знания в таком случае требуются? Во-первых, знание причин, знание сущности самой вещи, знание законов ее развития. Во-вторых, знание целей, знание тех действий, которые нужно производить с вещью, знание средств, которые нужно использовать. Но цель-образ есть не только «желаемое» самой деятельности, но прежде всего «желаемое» в соответствии со знанием сущности вещи. Сначала – познание, потом – создание.

«Фεωρία» – это умозрение, продуктом которого является знание; «πραξις» – это «искусство», которое основывается на умениях и навыках, опыте работы. Поэтому необходим «посредник» между «теорией» и «практикой». Разрыв между ними Аристотель ликвидирует с помощью введения особой интеллектуальной способности, которая непосредственно подчиняет себе практическую деятельность, включая и деятельность управления. Такая практическая мудрость есть «рассудительность» (φρονησις) [7, с. 176–177, 180–181]. Она, с одной стороны, не есть наука, поскольку занимается отдельными случаями, а не общими законами, с другой стороны, она не есть и «искусство», поскольку нацелена именно на практическое действие. Развитие европейской цивилизации основывается на этом различии между наукой, объяснением причин и инженерией, связанной с целеполагающей деятельностью. Хотя инженерия и управление основываются на научных знаниях, их практическое применение всегда остается открытым вопросом. Если «теория» довлеет технологичности, то «практика» требует креативности.

Это означает, что целеполагание, практическая деятельность, ориентация на креативность требуют другого *типа мышления*, другого строя мышления. Собственно мышление – это созерцание сущностей вещей, это разум (νοῦς). Поскольку сущности вещей есть эйдосы, постольку разумение и есть взгляд, устремленный к образцу-идеалу. Поскольку среди вещей мира есть сам разум, постольку созерцание деятельности самого разума есть мышление мышления, самосозерцание, усмотрение эйдоса самого разума.

Предмет «рассудительности» – другая сторона мыслящей души. Это есть не созерцание неизменных сущностей, но «схватывание» отличий, изменений, расхождений между образцом и непосредственным воплощением его в вещи. Это – φρονезис. «Рассудок» движим «разумом», но направлен на другое, не на эйдос (бытие), а на саму вещь (эргон). Если в плане познания функция души –

созерцать окружающий мир таким, каким он предстает нашему умственному взору, мир, который не может быть изменен, то своей рассуждающей частью душа смело производит расчет уместных действий в постоянно изменяющемся внешнем мире. В расчет принимается «способность суждения» (γνώμη), способность ориентироваться на практике, соблюдая истинные правила. Действовать – это значит применять средства, обеспечивающие достижение поставленной цели; в основе противопоставления «средства» – «цели» лежит именно «рассудительность» как умение выбирать. В деятельности, с одной стороны, всегда на горизонте пребывает то, что является пределом и целью, к чему устремлен пристальный взгляд разума, с другой стороны, под рукой (vorhanden sein) всегда имеется набор средств, готовый веер ресурсов. Технэ есть искусство выбора средств, «исправления» естественных отклонений природной деятельности от ее собственного пути, аналогическое подражание природным процессам в том, что необходимо человеку [8, с. 101].

Все медитации на тему теории и практики, которыми западная философия не уставала предаваться со времен Платона и Аристотеля, имеют одно и то же место – разрыв между реальностью и ее образцом. Греческий (западный) путь создания и воплощения образцов лежит через противопоставление бытия и сущего, сущности и явления, эйдоса и вещи, идеального и реального миров, и как результат – «средства» и «цели». Можно изменить сами рамки, изменить одну из сторон, но выйти за рамки такого мышления трудно. Даже сегодня те, кто ищет новых моделей в области науки управления, не могут обойти этого отношения.

Список литературы

1. Жульен Фр. Трактат об эффективности / пер. с фр.; науч. ред. Н.Н. Трубинова / Моск. филос. фонд. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 236 с.
2. Аристотель. Метафизика, IX, 6. 1048a 30-1048b 9 // Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т.1. – М., 1976. – 550 с.
3. Платон. Софист. Сочинения в 4 т. Т. 2. – М., Мысль, 1993. – 528 с.
4. Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски / пер. с нем.; отв. ред. А.Б. Рукавишников, Д.Н. Разеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 448 с.
5. Lauth R. Die Konstitution der Zeit im Bewußtsein. – Hamburg: Felix Meiner, 1989. – S. 398.
6. Гомер. Одиссея – М.: Азбука: Мировая классика, 2016. – С. 480.
7. Аристотель. Никомахова этика, VI (Z). 1140 a 24 - 1140 b 11, 1141 b 8 - 38 // Аристотель. Собр.соч. в 4 т. Т.4. – М., 1984. – 830 с.
8. Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ: пер. с нем. и англ. / сост. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – 528 с.

References

1. Zhul'en Fr. Traktat ob effektivnosti [A treatise on the effectiveness]. Moskovskii filosofskii fond; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1999. 236 p.
2. Aristotel'. Metafizika, IX, 6. 1048a 30-1048b 9 [Metaphysics, IX, 6. 1048a 30-1048b 9]. *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4 tomakh*. Moscow, 1976. Vol. 1. 550 p.
3. Platon. Sofist [Sophist]. *Sochineniia v 4 tomakh*. Moscow: Mysl', 1993. Vol. 2. 528 p.
4. Khofmaister Kh. Chto znachit myslit' filosofski [What does it mean to think philosophically]. Sankt-Peterburgskii universitet, 2006. 448 p.
5. Lauth R. Die Konstitution der Zeit im Bewußtsein [The constitution of time in the Mind]. Hamburg: Felix Meiner, 1989. 398 p.
6. Gomer. Odisseia [Odyssey]. Moscow: Azbuka: Mirovaia klassika, 2016. 480 p.
7. Aristotel'. Nikomakhova etika, VI (Z). 1140 a 24 - 1140 b 11, 1141 b 8 – 38 [Nicomachean ethics, VI (Z). 1140 a 24 - 1140 b 11, 1141 b 8 – 38]. *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4 tomakh*. Moscow, 1984. Vol. 4. 830 p.
8. Shadeval'd V. Poniatiia «priroda» i «tehnika» u grekov [The concept of “nature” and “technique” among the Greeks]. *Filosofia tekhniki v FRG*. Moscow: Progress, 1989. 528 p.

Получено 21.03.2016